

Кабинет А. П. Столыпина
в усадьбе Лермонтовых-Столыпинных
Середниково.
Фото В. А. Бородиной

С 1908 по 1912 год производство ячменя возросло на 62%, кукурузы – на 45%, пшеницы – на 37,5%. Даже в неурожайные 1908 и 1912 годы страна производила 11,5% мирового экспорта пшеницы, а в урожайные 1909–1910 годы – 40% мирового экспорта. Сбор зерновых в 1913 году был на 30% выше, чем в США, Канаде и Аргентине вместе взятых. К мировой войне наша страна накопила такие хлебные запасы, которых хватило на войну и даже достало большевикам, полностью проевшим «проклятое прошлое» к 1920 году.

П. А. Столыпин рассчитывал, что на проведение реформы потребуется двадцать спокойных лет. Подобный запас времени имелся разве что в про-

шлом, в царствование императора Александра III. Столыпин и Николай II не были пророками и исходили из лучшего, точнее – нормального.

Между тем страсть к уравниловке оборачивалась завистью и злобой по отношению к самостоятельным, успешным крестьянам, подлинным труженикам. Нередко общинники поджигали дома хуторян, травили посевы и губили скот. Доходило до самосудов. Однако урожайность в хуторах превосходила общинную на 14%. Выстоявшие хуторяне развивались и богатели, их накопления в банках и сберегательных кассах составили два миллиарда золотых рублей в разгар войны – они имели задел на будущее.

Как и крестьянская реформа 1861 года, аграрная реформа Столыпина подвергалась критике и слева, и справа – со стороны крайних националистов-консерваторов. Особую ненависть реформа вызвала у эсеров и большевиков. Они сознавали, что успешное осуществление реформы в крестьянской стране равнозначно утрате надежд на народную революцию во главе с их партиями.

Наконец, германскому кайзеру Вильгельму II докладывали об успехах столыпинской реформы, о перспективе превращения России в сильнейшую европейскую державу в обозримом будущем. Реальность такой перспективы заставляла спешить с агрессией против России.